

Александр Щипков

Дискурс ортодоксии

Описание идейного пространства
современного русского православия

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Москва 2021

УДК 242
ББК 86 372
Щ86

Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р20-018-0452

Щипков А. В.

Щ 86 Дискурс ортодоксии. Описание идейного пространства современного русского православия. — М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2021. — 464 с.

Книга политического философа, заместителя главы Всемирного русского народного собора Александра Щипкова «Дискурс ортодоксии. Описание идейного пространства современного русского православия» представляет собой итог авторского наблюдения за состоянием идеологического пространства в России первых десятилетий XXI века. В фокус наблюдений автора попадает дискурс православия, взятый в религиозно-богословском, в культурно-историческом и в философском аспектах. Отдельное внимание уделено вызовам, возникающим сегодня перед русским православием, таким как греко-протестантизм, секулярный фундаментализм, либерал-православие, проекты цифрового общества. Книга рассчитана в первую очередь на внимание православного епископата и духовенства. Она призвана помочь им ориентироваться в сфере публичной идеологии.

© Издательство Московской
Патриархии Русской
Православной Церкви, 2021
© Щипков А. В., текст, 2021

ISBN 978-5-88017-884-1

Время Патриарха Кирилла

Институт патриаршества чрезвычайно важен для русской церковной традиции. Синодальный период, отмеченный зависимостью и слабостью Церкви, был, как известно, временем её существования без патриарха.

Не случайно пропагандисты секулярной реформации Церкви часто выбирают мишенью для нападок институт патриаршества и, желая поставить под сомнение историческую легитимность Церкви, подвергают недобросовестным клеветническим нападкам личность патриарха Сергия (Страгородского; †1944), противопоставляя его патриарху Тихону (Беллаину; святителю; †1925).

Патриаршество — важнейший фактор церковного единства. От каждого патриарха зависит какими историческими стезями следует Церковь. Время патриарха Кирилла — это время восстановления Русской Православной Церковью социального положения и интеллектуальной роли, которыми она обладала в русской истории до трагического XX века. Время возвращения домой. И если период правления всех патриархов XX века отмечался

борьбой за суверенитет Церкви от гражданской власти, то время Патриарха Кирилла характеризуется борьбой Церкви за суверенитет от воинствующего секуляризма.

Именно при Патриархе Кирилле образ Церкви вновь сложился во всей его определённости. Это образ не Церкви-затворницы, но и не обмирщённой Церкви. Это образ Церкви мыслящей, открытой для прихожан с самыми разными социальными запросами, от интеллектуалов до простых деревенских бабушек.

После интронизации Святейшего Патриарха Кирилла, которая произошла в 2009 году, начали получать реальное воплощение принципы «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» — принципы, основанные на глубоком понимании роли нравственности и справедливости в жизни общества, призванные защищать подлинные духовные истоки права и социальных институтов. Этот подход прекрасно иллюстрируют книги Патриарха, в которых он объясняет связь между христианскими ценностями и жизнью общества, такие как «Мысли, высказывания, суждения», «Свобода и ответственность: в поисках гармонии. Права человека и достоинство личности».

В числе прочего Патриарх Кирилл принял деятельное участие в укреплении и распространении культурного влияния Русского мира. Он выпустил в свет книгу «Семь слов о Русском мире», тем самым окончательно и прочно закрепив понятие «Русский мир», этот синоним исторической Руси,

в общественном дискурсе и повседневном русскоязычном обиходе. В этой книге речь идёт о русской идентичности, основа которой, как известно, — православное религиозное и культурное наследие. Русский мир — это и есть Русская земля, о которой писал иеромонах Нестор (†1106) в «Повести временных лет», это единое пространство неовизантийского культурного синтеза, прежде всего России, Украины и Белоруссии. Книга важна не только своим глубоко национальным содержанием. В ней явлен интеллектуальный образ Русской Церкви. Патриарх обращается к великой традиции жанра Слова, характерного для древнерусской литературы. В этом жанре написано «Слово о полку Игореве», «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, «Слово о погибели Русской земли...» и другие литературные памятники.

Оживляя традицию древнерусского Слова в современном культурном контексте, Патриарх Кирилл даёт ей новое, социальное звучание. Он открывает для Церкви тот новый язык универсальной проповеди, который понятен и людям церковным, и людям светским. Такой язык помогает развивать идеи социальной концепции Церкви. Но это отнюдь не обмирщение, а именно социализация церковного языка. Такой язык делает церковную проповедь доступной, не искажая при этом её высокого духовного смысла, не позволяя поступаться традиционными христианскими ценностями.

Одно из важнейших направлений интеллектуальных усилий Патриарха Кирилла — противодействие

угрозе секулярной реформации. Эта угроза дала о себе знать в период политической атаки на Церковь в 2012 году, но особенно ярко проявилась в период военно-политического захвата инфраструктуры УПЦ МП со стороны Константинопольского Патриархата и светской киевской власти.

Необходимо отметить, что данная проблема осознавалась Святейшим Патриархом давно. 24 июня 2008 года, в день открытия очередного Архиерейского Собора РПЦ, будущий Патриарх выступил с докладом «Православное единство и православное свидетельство в современном мире». В этом выступлении он осудил тенденцию, обозначенную им как «несколько новых моментов» в интерпретации «выдвинутого Константинопольской Церковью особенного толкования 28-го правила IV Вселенского Собора», которые «создают впечатление постепенного развития новой эkkлeсиологии». И позднее, в 2017 году, Предстоятель вынужден был признать: «Сторонники радикального секуляризма постоянно пытаются установить своё идеологическое господство над всеми верующими, которые составляют бóльшую часть нашей планеты».

Глава Русской Церкви неоднократно подчёркивал в своих выступлениях, что так называемые универсальные ценности секулярного модерна и пост-модерна не выдержали исторической проверки: мир становится всё менее стабильным и предсказуемым, всё более опасным. Именно это вызывает новое стремление во многих странах к традиционализму,

консервативной демократии и обществу социальной справедливости.

Мыслями о неизбежном сдвиге культурной парадигмы, а также о роли и возможностях России в сложившейся ситуации, об окончательном преодолении разрывов национальной истории Патриарх подробно делится с нами в книге «Диалог с историей».

Сегодня Предстоятель Русской Церкви глубоко осознаёт историческую миссию и ответственность христианской ортодоксии в условиях дехристианизации Запада и нарастающей в мире христианофобии.

Патриарх Кирилл постоянно говорит о важности базовых нравственных ценностей, которым должны быть подчинены судебная, законотворческая и политическая деятельность. По слову Патриарха, «не нужно бояться признаться себе и окружающим в том, что религиозная и нравственная мотивации накрепко взаимосвязаны для бóльшей части людей в России и мире». Именно поэтому долг Церкви — просвещать Словом Господним секулярный социум, а не жертвовать своими принципами ему в угоду.

Патриарх выступает против всех видов фундаментализма, как религиозного, так и секуляристского, против экстремистских взглядов, релятивизма, цинизма, трансгуманизма и русофобии.

С огромной болью Святейший Патриарх констатирует усиливающийся процесс дехристианизации, который ведёт к более глубокому разрыву России

и Запада, чем тот, который имел место в период холодной войны. Природа этого разрыва, конечно, не политическая, а духовная. «Мы с удивлением видим, что секулярные штампы и стереотипы, которые получают распространение в ряде европейских государств, приближаются по содержанию к хорошо известным нам в прошлом советским установкам. Это не может не беспокоить», — говорит Патриарх.

Конечно, русская цивилизация с её византийской преемственностью не может принять и не примет участие в сознательном разрыве с христианской традицией. Кроме того, подражание Западу, по мысли Первосвященителя, означает для России вечное отставание: «Когда нам говорят о европейском пути развития, как правило, имеют в виду подражание и воспроизводство западных политических, культурных моделей. Подражание, копирование всегда уступает подлиннику, так как в нём отсутствует оригинальное начало, подлинное авторство».

Патриарх Кирилл мыслит в категориях византийско-русской цивилизации, каждым своим мировоззренческим тезисом подтверждая и продолжая исторический выбор святого князя Владимира. Он подчёркивает: «Являясь преемниками Византии, мы вместе с тем на протяжении веков стремились бережно сохранять свою славянскую самобытность; цивилизация, фундамент которой был заложен гением и трудами святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, и сегодня жизнеспособна, соединяет европейское культурное и интеллектуальное

наследие с православной духовностью и славянским мироощущением».

Сегодня Церковь решительно выступила против идеи разрывов и непреодолимых границ в трактовке европейской и национальной истории, против ценностного противопоставления традиции и современности. История народа и его наследия неразрывна, несмотря на преступления политических режимов. «Душа нашего народа не была потеряна даже в годы жесточайших антицерковных гонений... Народный подвиг в Великой Отечественной войне, достижения в области науки и техники стали актами самоотречения, которые могли быть совершены только людьми по своему внутреннему устройству остававшимися христианами. Нет таких атеистических идеалов, ради которых человек расстался бы с жизнью ради любви к ближнему. Ведь если нет вечности, то как можно добровольно пожертвовать своей жизнью?» — говорит Святейший Патриарх Кирилл.

Русская Церковь с помощью Божией сохранила свою преемственность в продолжение нескольких трагических десятилетий. Принцип духовно-исторической непрерывности традиции — и церковной, и русской, и общехристианской — важный идейный ориентир в церковном строительстве Первосвященителя.

Нынешний курс на историческую аутентификацию Русской Православной Церкви соответствует сложившемуся вековому порядку нашей церковной жизни, духу христианской традиции

и основам православного вероучения. Этот курс можно назвать проявлением личной воли и административных способностей Патриарха Кирилла. Но прежде всего это неизбежный этап развития нашей Церкви, а значит, и неотъемлемая часть Божественного замысла, касающаяся русского православия. Вот почему решения Святейшего Патриарха имеют глубоко провиденциальный смысл.

Часть первая

РУССКАЯ ТЕМА

Похищение русской идентичности

Идею мультикультурности европейцы отправили в утиль. И вовсе не потому, что мигранты, хлынувшие в Европу из бывших европейских колоний, оказались трудновоспитуемыми, а потому, что в мировой политике пришло время кардинального поворота и переоценки ценностей. Глобальный проект достиг своих пределов и был поставлен под сомнение. Начался откат — разумеется, на условиях и к выгоде глобализаторов, которые намерены поколебать основы миропорядка «сверху», пока они не поколеблены «снизу». Для этого они вынуждены «поджигать» мировую периферию.

В таких условиях мир архаизируется, и возникает новый запрос на идентичность и традицию. Переоценка ценностей уже происходит. Одним из её итогов стал переворот в Киеве в 2014 году и фактическая реабилитация фашизма западными элитами. Ответом на архаизацию неолиберального мира является встречный рост пассионарности, который имеет в своей основе идентичность и традицию.

Идентичность принято определять через квадрат идентичности — набор известных параметров:

язык, конфессия, культурная принадлежность, общая историческая судьба. Если перевести смысл понятия «идентичность» на язык психологии, получится нечто вроде коллективной «я»-концепции, то есть ответа общества на вопросы: кто мы? откуда? и куда идём? — осознание своей исторической миссии.

Сегодня в политическом споре выигрывает тот, чья идентичность более прочна и устойчива. И наоборот, кризис идентичности ведёт к утрате геополитических позиций в мире. Период, связанный с дроблением государств, регионализацией, искусственным конструированием идентичностей (например, бывшая Югославия), заканчивается. Растёт значение региональных союзов, рынков и валют. Симулякры глобального космополиса уступают место процессам реального этногенеза и нациогенеза. С этой точки зрения следует смотреть и на возвращение Россией Крыма, и на успех фундаменталистских движений на Востоке, и на рост национально-консервативных, радикально-националистических и нацистских идей в Восточной Европе. Не исключена новая волна суверенитетов: вслед за референдумом в Крыму последовали пусть неудачные, но попытки референдумов в Шотландии и Каталонии. И эта тенденция сохранится.

Мир вновь возвращается к нерешённым проблемам XVIII века, связанным с доминированием формата nation state, конфликтом секулярного и религиозного. Национальные общности вновь становятся главными акторами истории. Поэтому

идентичность и традиция «растут в цене» и составляют капитал, который гарантирует устойчивость в современном мире. Идентичность и традиция получают право на прямое политическое высказывание. Происходит это там, где финансово-экономическое регулирование не срабатывает. Для наций наступило время, когда уже поздно задавать себе гамлетовские вопросы.

Обратимся к русской традиции и русской идентичности. Мы можем дать их развёрнутую формулу, состоящую из ряда компонентов, таких как православная этика, социальная справедливость, социальное равенство, примат морали над правом, демократический централизм. Дореволюционный мир и мир советский, исторически сошедшие в неприемлемой схватке, имеют тем не менее общие корни и одинаково отражают русскую идентичность.

В её основе лежит императив поисков или построения царства правды¹, где всякий человек нужен, никто не лишний, никто не строит своё счастье на несчастье другого, все объединены духовными узлами и общими задачами. Образ Святой Руси как сосуда истинной веры и образ социальной справедливости, общества равенства и братства — разные проекции этой идеи, части одного целого. Восходит эта идея к концепции Третьего Рима и к византийскому наследию, представляет собой то общее, что не может расщепить до конца даже революция.

¹ Ср.: *Ищите же прежде Царства Божия и правды Его* (Мф. 6, 33).

Цель общественного строительства (социализм) и цель спасения каждого и всех вместе (соборность) — это расходящиеся вариации на одну и ту же тему. Режимы и правительства приходят и уходят, секулярность и религиозность сменяют друг друга в самых причудливых формах, идеология меняет знаки, а эта эсхатологическо-эгалитарная византийская матрица остаётся в исторической памяти. Она — неделимое целое. И гражданская война, как ни странно, лишь подчёркивает это единство. Трагичны не исторические катаклизмы сами по себе, трагичны исторические разрывы, которые их вызывают. Разрывы эти должны срastись прежде, чем русская идентичность ослабеет и мы утратим свою историческую субъектность.

Сегодня тема русской идентичности вызывает много вопросов. Постсоветская модель компрадорского капитализма по всем параметрам, структурным и ценностным, является постпротестантской. Поэтому она находится в глубоком противоречии с реальным историческим опытом народа (в отличие от опыта господства правящего класса). В 1990-е и 2000-е русская идентичность расшатывалась и слабела. Советская модель развития, скрепляемая идеей полиэтничной нации и социального государства, безусловно, является неотъемлемой частью русской традиции. Но она была отвергнута правящим классом и уступила социал-дарвинистской модели и социальной евгенике (выживает сильнейший).

Похищение советского компонента русской идентичности осуществили постсоветские элиты,

значительную часть которых составляли переродившиеся представители второго-третьего эшелонов советской партийной номенклатуры. Важная часть исторического опыта народа была перечёркнута. Лозунг десоветизации объективно был направлен не против отдельно взятого советского, а против всей русской традиции и национальной исторической преемственности. Нечто похожее происходило и в первые годы советской власти, когда рушился не только старый политический режим, но и культурные основания дореволюционной России.

Россия после 1991 года остаётся чем-то вроде детского конструктора, наспех собранного с помощью либеральных технологий. Следует отметить, что комплекс либеральных идей в России был превращён в культ и его до сих пор путают с национальной идентичностью. На самом деле идентичность и традиция являются неприкосновенным историческим ресурсом, а либерализм, консерватизм, социализм — лишь политические инструменты.

У российских элит вместо рационального присутствует квазирелигиозный взгляд на эти вещи. При этом Россия имеет огромное население со стёртой, нечёткой идентичностью. Это касается 85 % населения, того самого «закрымского» большинства. Оставшиеся 15 % принадлежат к креативному классу — привилегированной прослойке, занимающейся производством моделей потребления — моделей, не сводимых только к сфере материально-торгового обмена. Одной из таких моделей является образ негативной российской идентичности, основанный

на комплексе исторической неполноценности. Эта компрадорская версия идентичности предполагает вытеснение из коллективной памяти традиционных сакральных смыслов русской истории.

Результатом навязывания негативного образа идентичности стала дезориентация русского общества. В этой ситуации реальная идентичность слабеет, стирается, дробится. В современной России поощряется разрыв советского и антисоветского, «красных» и «белых», секулярного и религиозного, староверов и никониан. На месте каждого такого разрыва возникает вакуум идентичности. Фрустрированность, ощущение экзистенциальной пустоты общество стремится заполнить любой ценой. В этом состоянии народу легко навязать мифы о нём самом. К числу таковых можно отнести мифы о коллективной исторической вине, о неспособности русских к самоорганизации, об их генетическом рабстве или даже о склонности к фашизму. Впрочем, на фоне геноцида русских на Украине последний миф успел заметно сдуться в глазах общества.

Так формируется ложное сознание, и формирует его компрадорская часть креативного класса, называющая себя гражданским обществом, но объективно разрушающая основы реального гражданского общества, о чём мы будем говорить подробно в четвёртой части этой книги. Аналогичная ситуация уже складывалась в России в начале 1990-х, сейчас она повторяется и может иметь не менее серьёзные последствия.

Кризис русской идентичности ощутим и в Новороссии. Вообще, если говорить о русском национально-освободительном восстании на юго-востоке Украины, надо отметить, что его слабая организация объясняется не только военно-политическими и экономическими причинами, но и стёртой идентичностью большинства жителей Харькова, Одессы, Донецка, Луганска. В основном эти люди не обладают специфической украинской ментальностью. Этот вакуум мог бы быть заполнен иными ценностями содержаниями, но культурная и духовная принадлежность этих регионов к Русскому миру чётко не сформулирована и в самой России.

Сказанное свидетельствует о том, что всё российское общество, включая ирреденту Новороссии, переживает глубокий кризис идентичности, в составе которой остаётся ряд невосполнимых лакун. Это лишает страну серьёзных позиций на международной арене и провоцирует в России рост русофобии (прежде всего в среде креативного класса, чуткого к политической конъюнктуре). А также ведёт к дальнейшей эрозии общих ценностей, релятивизму, карнавализации важных идей и символов, к вытаптыванию символического пространства общества — той питательной среды, в которой как раз и живёт идентичность.

Серьёзную угрозу русским как национальной общности несёт идеология нынешнего киевского режима. Абсурдная ситуация одновременного существования фактически двух враждебных друг другу России устраивала как российский, так

и украинский олигархат. Разумеется, случались обострения тлеющего конфликта. Например, свержение украинскими спецслужбами законно избранной власти крымской русской автономии в лице её президента Юрия Мешкова (1994–1995) или майдан 2004 года, который сделал русофобскую политическую концепцию официальной идеологией Киева. Новым обострением холодной русско-украинской войны стала борьба за статус русского языка. В 2012 году в Верховной раде стараниями Партии регионов прошёл так называемый закон о русском языке Колесниченко — Кивалова, расширявший права русских Украины в языковой сфере. И буквально первое, с чего в 2014 году начала свои шаги новая, майданная власть, — это попытка отменить закон о русском языке, что и стало детонатором восстания на Юго-Востоке. Произошла разморозка конфликта и его переход в горячую фазу межнациональной гражданской войны. В Новороссии родилось национально-революционное движение, а Киев превратил Украину после майдана в единый военный лагерь.

Российское общественное мнение воспринимает происходящее на Украине просто как войну в соседней стране. Украинская сторона воспринимает события не как гражданский межнациональный конфликт, а как войну с Россией и русскими, с русской национальной общностью.

Таким образом, со стороны Украины это классическая этническая война, подобная той, что была начата Германией в 1941 году. Но семьдесят пять

лет назад обе воюющие стороны одинаково хорошо понимали, что происходит. А сейчас с русской стороны такого понимания не наблюдается. Непонимание реальной ситуации может грозить русским поражением, несмотря на военно-техническое превосходство.

Вроде бы на это можно возразить: да мало ли в мире стран, которые придерживаются русофобского курса во внешней политике? Разница между тем огромная. Русофобия этих государств, пусть даже очень глубокая и застарелая, является всё же ситуативной. Она диктуется политическими интересами и не составляет основу государственности этих стран, а тем более идентичности их народов. У Латвии, Литвы, Польши, Румынии, США, Англии есть множество других забот и задач помимо «русского вопроса». Политикам этих стран вовсе не приходится громко доказывать тот очевидный факт, что, например, Румыния — не Россия. Человека, стоящего в пикете с таким лозунгом в Бухаресте, сочли бы, пожалуй, не вполне здоровым. А вот бывший президент Леонид Кучма позволил себе назвать главный литературный труд своей жизни «Украина — не Россия». Разумеется, это возможно лишь в случае, когда выдвигаемый тезис неочевиден.

Этот признак указывает на то, что Украина, безусловно, не обычное национальное государство с собственной исторической идентичностью, а что-то принципиально иное. Украинская идентичность также представляет собой довольно странное

явление. Нередко её носителей причисляют к ряду так называемых проектных этносов. Речь идёт о бывших русских (малороссах), переставших быть русскими в силу внешних политических факторов, да ещё принуждающих перестать считать себя русскими тех, кто такого волевого решения не принял (новороссов, крымчан). Украинский сюжет в этом смысле напоминает историю с хорватами, которые перестали быть сербами, перейдя в католичество. Хорватская идентичность включает в себя сильнейший комплекс отторжения и ксенофобии по отношению к сербам — бывшим своим, ставшими другими и враждебными. Так подчёркивается инаковость, так работает национальное чувство. Неудивительно, что в ходе Второй мировой войны зверства хорватских усташей по отношению к сербам поражали даже эсэсовцы.

Аналогичную ситуацию мы имеем сегодня на Украине. И если население бывшей Галиции действительно представляет собой самостоятельное национальное целое с австро-венгерским и польским прошлым и её конфликт с Русским миром в большей степени напоминает бракоразводную процедуру, то с бывшими малороссами ситуация иная. Им есть что делить с русскими.

Понять причудливую зеркальную логику конфликта на Украине в действительности несложно, если не упускать из виду элементарный исторический факт, что украинцы, в отличие от галичан, — бывшие русские. Литературные памятники Киевской Руси, единоличными наследниками которой

хотят считать себя нынешние украинцы, написаны на древнерусском языке, чтобы в этом убедиться, достаточно открыть «Слово о полку Игореве» в оригинале. На украинских купюрах любят изображать Ярослава Мудрого, но свод законов, составленный Ярославом, назывался «Русская правда» и был сводом законов Древней Руси. Разумеется, переписывание идентичности, которое сделало русских украинцами, произошло не само по себе и не просто так. Но не будем углубляться здесь в историю украинства, напомним лишь, что само слово «Украина» («окраина»), по мнению большинства специалистов, не украинского и не русского, а польского происхождения.

Если попробовать охарактеризовать украинскую нацию в соответствии с критериями классического квадрата идентичности, мы обнаружим, что критерии не выполняются. Язык изначально русский (впоследствии южнорусский вариант). Религия — православие, вплоть до начала распространения греко-католицизма. Памятники культуры и литературы, за редким исключением, тоже русские. Например, Н. В. Гоголь писал отнюдь не на украинском. Общность исторических военно-политических и культурных задач тоже очевидна.

Украинская негативная идентичность напоминает российскую постсоветскую, также построенную на негативных основаниях. В запасе у Украины сегодня нет ничего, кроме русофобии. Конечно, если не считать локальную галицийскую культуру, не имеющую с малороссийским украинством ничего

СОДЕРЖАНИЕ

Время Патриарха Кирилла	3
-------------------------------	---

Часть первая.

РУССКАЯ ТЕМА

Похищение русской идентичности	13
Русофобия	39
Русско-российский вопрос	59
Сакральная география	66
Русский мир равноапостольного князя Владимира	79
О разрушении семьи	83
Возвращение русского исторического самознания	88

Часть вторая.

ЦЕРКОВНЫЕ ВОПРОСЫ

Будущее русской теологии	97
Греко-протестантизм	104
Либерал-православие	111
Православный гламур и диктатура богемы ..	122
Секуляр-гностицизм и православие	147
Цифровая плерома	167

Пандемия и новая сакральность	173
Политическая философия коронавируса	184
Чужая речь	198
Как разрушить Церковь. Инструкция	219
Церковь и PR-технологии	224
Спящие	237
Освящение оружия	241

Часть третья.

ПРОБЛЕМЫ КОНСЕРВАТИЗМА

Новый русский консерватизм	249
Что такое идеология	256
Типология направлений консервативной мысли	270
Национальная история как общественный договор	279
Переосмысление традиции	291
Реабилитация идеологии	298
Светское государство	304
Глобализм	310
Посткапитализм	320
Традиция и фундаментализм позднего модерна	341

Часть четвёртая.

ГРАЖДАНСКОЕ БОЛЬШИНСТВО

Большое гражданское общество	353
Смерть интеллигенции	360
Армия как общественный институт	381
Смысл революции	391

СОДЕРЖАНИЕ

Средний класс	399
Кризис теории правозащитного действия ...	407
Кризис правозащитной практики	435
ГУЛАГ и коллективная вина	442
Запрет на ценностное мышление	448
Об авторе	454

*Духовно-просветительская
православная литература*

Щипков Александр Владимирович

ДИСКУРС ОРТОДОКСИИ

Описание идейного пространства
современного русского православия

Главный редактор
епископ Балашихинский Николай
Заведующая редакцией *Т. Тарасова*
Редакторы *И. Черкесова, О. Темнова*
Технический редактор *З. Кондрашова*
Корректор *М. Просветова*
Верстка *М. Алимиев*

Каледа Василий Глебович
**«Основы пастырской психиатрии:
Руководство для священнослужителей»**

Формат 60×90/16

Книга врача-психиатра, доктора медицинских наук, профессора В. Г. Каледы представляет собой первое практическое руководство для священнослужителей по пастырской психиатрии, в котором рассматриваются основные симптомы психических расстройств в сопоставлении с некоторыми духовными состояниями. В издании очерчены

особенности пастырского и врачебного подходов к душевнобольным, намечены принципы тактики священнослужителя при тех или иных конкретных проявлениях психической патологии. Руководство по пастырской психиатрии будет полезно, как для священников, так и для будущих пастырей, которым необходимо готовиться к тому, что у прихожан могут быть не только духовные, но и психические проблемы.

Подписано в печать 30.11.2020.
Формат 84×108 1/32. Объем 14,5 печ. л.
Печать офсетная. Заказ №

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
119435, Москва, ул. Погодинская, 18
Оптовый отдел реализации:
+7 (499) 246-20-85, +7 (499) 246-52-08
Магазин на ул. Погодинской: +7 (499) 245-30-68
Магазин на ул. Бакунинской: +7 (499) 246-25-35
E-mail: books@rop.ru, <http://www.rop.ru>

МАРК, митрополит
Рязанский и Михайловский

«Церковный этикет»

Формат 70×100/16

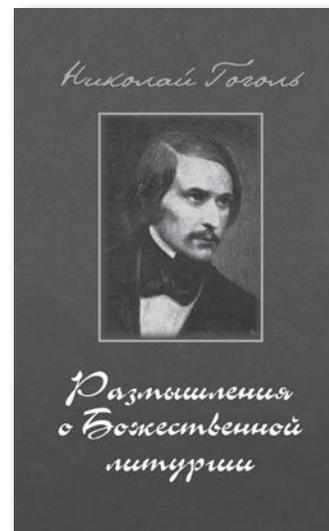

Подавляющее большинство церковных книг о вере обращено к человеческой душе, они рассказывают о том, как нужно молиться, любить ближних. При этом многие вопросы, касающиеся внешней культуры поведения человека, остаются за рамками церковных изданий. Настоящий труд призван восполнить этот

пробел. Книга «Церковный этикет» рассказывает о церковной жизни через призму внешних правил поведения и норм. Книга не претендует на то, чтобы быть энциклопедией церковной жизни, но призвана объяснить человеку глубокий смысл православных традиций.

Гоголь Николай Васильевич
«Размышления
о Божественной Литургии»

Формат 70×90/32

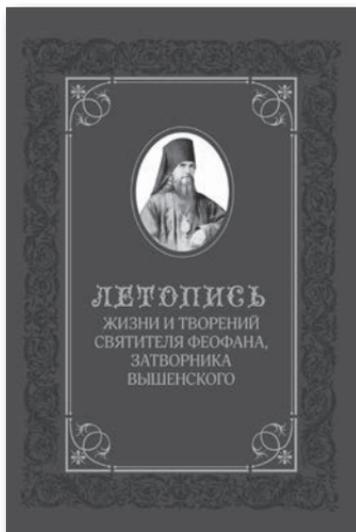
Новая реконструкция незаконченной книги Н. В. Гоголя, сверенная с черновыми авторскими вариантами и литургическими текстами. В примечаниях подробно излагается ход работы над нынешним изданием.

Подготовка текста и примечания протоиерея Николая Булгакова.

«Летопись жизни и творений святителя Феофана, Затворника Вышенского»

IV том

Формат 70×100/16

«Летопись жизни и творений святителя Феофана, Затворника Вышенского» призвана дать многостороннее и по возможности исчерпывающее представление о его личности и трудах. Четвертый том «Летописи» включает материал о первых тринадцати годах пребывания Святителя в Вышенской пустыни — с августа

1866 г. до конца 1878 г. Помимо архивных и прочих материалов официального и частного характера, относящихся к указанному периоду, здесь представлены полемические статьи Святителя и его оппонентов по вопросам перевода Библии и православной ангелологии. Сюда же включены сведения об исторических, политических и церковных событиях, которые нашли то или иное преломление в жизни и творениях епископа Феофана.